

КОЕ-ЧТО О ЛИТЕРАТУРѢ.

(Посл. В. М. 3-ой).

Пустое мѣсто. Почему мы «заканчиваем»? Гдѣ бывше орудія? Блѣдно-желтый и сѣро-голубой журналы. Критики и критиканы. Успенскій Берне. Красное слово. Быстрота и натиск Протопопова. Собачья старость Ар. Введенскаго. Прохожий. Шутера и шелуха. Сирѣца.

Скоро 10 лѣтъ минетъ, какъ мнѣ, старому читателю, годъ отъ году становится все грустнѣе и грустнѣе: пустѣетъ литература, годъ отъ году пустѣетъ; все, что было ея красой и гордостью, уходитъ вдалѣ, въ прошлое. Словно осень наступила: однѣ птицы совсѣмъ замолкли — придавило ихъ сырой землей, другія улетѣли за синее море, а третьи — самыя несчастныя — пробуютъ пить попрѣжнему, во мѣсто вѣшнихъ сладостныхъ пѣсенъ слышны хриплые звуки. Поневолѣ тяжело мнѣ, когда то упивавшемуся этими свѣтлыми, широкими, какъ море, высокими, какъ небо, пѣснями и поневолѣ мнѣ грустно!

Не мнѣ первому, не мнѣ и послѣдному приходится жаловаться, а извѣстно, что на людяхъ и смерть красна. Поэтому я не боюсь, если какой-нибудь «мо-

лодецъ» выскочитъ на меня и цыкнетъ: «цацъ вы, что опять заканчиваете? и прежде таланты да гении не какъ грибы росли, и прежде считался счастливымъ тотъ годъ, въ который хоть одно великое произведение появлялось, а иногда и цѣлыхъ десять лѣтъ, бывало, минетъ, а великихъ произведений нѣтъ, какъ нѣтъ; перестаньте же плакать и заканчивать».

Не однѣ разъ обрывали такими словами нашего брата — вспоминающихъ о быломъ величин родной литературы. Но оборвать можно, а правда то все-таки наша. У насъ есть факты, и всякій, имѣющій глаза, можетъ видѣть.

Возьмите для опыта двѣ книжки журналовъ, одну 70-хъ годовъ, другую — за нынѣшній годъ, и посмотрите по сравнению. Возьмите журналы наиболѣе распространенные и пользующіеся наиболѣе популярностью: въ 70-ые годы такими журналами были — *Отеч. Записки*, теперь — *Русская Мысль*. Я хорошо помню то время, когда я зачитывался *Отеч. Зап.*, нѣсколько лѣтъ подрядъ я читалъ ихъ сплошь съ первой до послѣдней страницы и не жалѣю потраченного на это чтеніе времени. Перелистывая эти блѣдно-желтыя книжки, я сейчасъ вижу, что прочелъ ихъ

не напрасно, если бы не прочелъ ихъ тогда, слѣдовало бы прочесть теперь. Въ самомъ дѣлѣ, откройте любую книжку, на васъ глядятъ знакомыя, милыя имена — Щедринъ, Некрасовъ, Островскій, Михайловскій, Глѣбъ Успенскій, Ангельгардтъ, Златоврагскій, Крестовскій — псевдонимъ, Елисѣевъ, Плещеевъ. И это почти въ каждой книжкѣ.

А по временамъ тутъ появлялись Достоевскій, Левъ Толстой и другія дорогія каждому любящему русскую литературу имена. Здѣсь же, въ *Отеч. Зап.*, начали свою дѣятельность Гаршинъ, Осиповичъ, Кущевскій, Ясинскій, Маминъ, Каролинъ, Кривенко, Абрамовъ и многіе, многіе другіе, теперь извѣстные писатели и журналисты. Бывали книжки, которыя буквально представляли литературное событіе: что ни статья, то перлъ въ своемъ родѣ. Да достаточно сказать, что исключительно тамъ съ 1868 года появлялись всѣ произведенія Некрасова, Щедрина, Островскаго, Гл. Успенскаго, Михайловскаго, Ангельгардта и другихъ, помнятухъ выше постоянныхъ сотрудниковъ *Отеч. Записокъ*.

И разверните теперь послѣ блѣдно-желтыхъ книжекъ сѣро-голубой томикъ *Русской Мысли*. Просмотришь оглавленіе, перелистаешь книжку и поневолѣ

тебя охватитъ тоскливое горькое чувство. Какъ будто бы и то же, да не то. Замолкли почти всѣ главари, засыпаны земли талантливыя изъ молодыхъ, какъ Гаршинъ и др., и мѣсто прежняго дружнаго хора слышатся по временамъ лишь отдѣльные голоса. Конечно, и въ *Русской Мысли* не рѣдкость встрѣтить талантливыя, блестящія вещи: повѣсти и рассказы Успенскаго, Короленко, Челова и Альбова, романы Эртеля, критич. очерки Михайловскаго, статьи Макс. Ковалевскаго, Ключевскаго, В. Семева, Иванюкова, Гольцева.

Но рядомъ съ этими прекрасными вещами сколько балласта, сколько совершенно неинтересныхъ и никому ненужныхъ переводныхъ и псевдо-историческихъ романовъ, сколько узко спеціальной суши. Нечего и говорить уже о томъ, что *Русской Мысли* далеко до стройности, цѣльности *Отечественныхъ Записокъ*, которыя иногда казались просто произведеніемъ одной много объемлющей гениальной личности. Но даже — съ точки зрѣнія хорошаго литературнаго сборника — *Русская Мысль* недостаточно интересна: половина статей ея написана невѣдомо зачѣмъ, никому онѣ не нужны, никого не тронуть, никого не заинтересуютъ.

И вотъ какъ помотришь, да по сравнению, невольно беретъ оторопь: что стало съ нами?!

Съ давнихъ поръ боевой частью въ русской литературѣ была критика, отсюда раздавались лозунги, тамъ составлялись планы кампаній, со страницъ этого отдѣла наносились самыя мѣткіе удары противникамъ. Поэтому очень интересно перебрать и пересмотрѣть нынѣшнія критическія силы въ журналистикѣ.

Не касаясь легіона мелкихъ «критикановъ», мы назовемъ только наиболѣе извѣстныя имена: Н. К. Михайловскій, Протопоповъ, Ар. Введенскій и И. Ивановъ (*Рус. Мысль* и *Рус. Вѣд.*), Скабичевскій (*Новости*), Волинскій (*Сѣв. Вѣстн.*), Чуйко (*Наблюд.*) и Буренинъ (*Новое Время*).

Рекомендовать читателямъ Н. К. Михайловскаго не приходится. Я думаю, нѣтъ на Руси болѣе или менѣе образованнаго человека, который не знаетъ бы этого блестящаго, высокоталантливаго публициста, одного изъ редакторовъ *Отеч. Записокъ*. Чрезвычайно разносторонне образованный, остроумный, оригинальный, стойкій и послѣдовательный въ служеніи опредѣл. идеаламъ и проведеніи ихъ въ жизнь, этотъ «русскій

Берне», какъ многіе его называютъ, является однимъ изъ лучшихъ русскихъ критиковъ и притомъ послѣдователемъ критика *Современника*. Въ послѣднее время небольшія критич. замѣтки его появляются въ *Рус. Мысли*, *Рус. Бол.* и *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Какъ и болшинство его работъ онѣ грѣшатъ разбросанностью и незаконченностью, но достоинства ихъ съ избыткомъ покрываютъ недостатки. Читая его, вы всегда чувствуете какое то особенное спокойствіе, вы начинаете вѣрять въ силу человеческого ума, все темное, непонятное и страшное дѣлается яснымъ, понятнымъ и вовсе не страшнымъ. Точно онъ свѣтъ прольетъ около васъ и темныя силузты какихъ то невѣдомыхъ чудовищъ оказываются простыми, часто знакомыми вещами. Въ наше время такой руководитель чрезвычайно дорогъ, особенно, если вспомнить, что сбывшихся съ дороги, незнающихъ куда и за кѣмъ идти вынѣ такъ много и. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ много самозванныхъ пророковъ, съ пафосомъ зовущихъ въ такія мѣста, о которыхъ прежде и упоминать считалось зазорнымъ. Михайловскаго многіе упрекаютъ еще за тонъ его писаній, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ доходитъ иногда до пафоса, и за фразу, за красное слово, для

которого онъ не жалѣетъ на «атери, ни отпа. Если хотите, то пожалуй Михайловскому свойственъ иногда и рѣзкій тонъ, и красное слово, но я лично думаю, что безъ этого онъ не былъ бы тѣмъ грознымъ передовымъ бойцомъ, каковымъ онъ сейчасъ. Передовому бойцу слова надо быть понятнымъ и интереснымъ, надо, чтобы его читали и слова его боялись, и тутъ красное слово можетъ сослужить великую службу. Скажутъ же, что красное слово Михайловского обращалось противъ того, чему онъ служить и за что онъ борется, едва ли это можетъ: онъ всегда былъ вѣренъ своимъ богамъ и никогда не бывалъ флюгеромъ. Такъ же дѣло обстоитъ и съ тономъ. Съ известнымъ сортомъ людей серьезный споръ просто невозможенъ. Вы ихъ стараетесь вразумить, что «дважды два четыре», а они въ отвѣтъ кричатъ «слово и дѣло», вы имъ говорите, что «женщина—человѣкъ», а они отвѣчаютъ: «а твой дѣдушка кривой былъ». Съ такими господами всякій разговоръ бесполезенъ и лучше всего съ ними молчать: пусть помнятъ. Но иногда обезумѣвшая толпа, какъ стало барановъ, бываетъ готова бросаться даже за заведомо глупымъ вожакомъ. Вотъ въ такую минуту

рѣзкое острое слово мыслящаго человѣка является просто необходимымъ: какъ ведро холодной воды оно приведетъ всѣхъ въ себя.

По любви къ «красному слову», по рѣзкости тона напоминаетъ Михайловскаго Протопоповъ. Онъ пишетъ тоже очень красиво и интересно, считаетъ онъ себя преемникомъ и послѣдователемъ Добролюбова и Писарева и какъ всякій подражатель, отличается нѣкоторой узостью. Быстрота и натискъ—суворовскія правила—являются его правилами. На его штѣ слѣдовало бы написать: «ѣду, ѣду, не свищу, а наѣду—не спущу». И, правда, ужъ если наѣдетъ, то не спуститъ. Я помню, какъ еще въ *Русской Правдѣ*, гдѣ онъ былъ литературнымъ обозрѣвателемъ, онъ привлекалъ къ отвѣту Суворина, вызывая къ его прошлому и къ его лучшимъ чувствамъ. Кромѣ быстроты и натиска отличительнымъ его свойствомъ является еще удивительная наивность: то онъ объявитъ себя защитникомъ Писаревского положенія, что «сапоги выше Шекспира» и комично вызываетъ желающихъ сразиться съ нимъ, то начнетъ увѣрять, что Добролюбовъ серьезно считалъ нахаломъ своего лучшаго друга, то, перепутавши фи-

лософскіе термины, ничтоже сумяшеся, объявитъ, что «это все одно и то же». Но промахи промахами, а все же онъ писатель честный, стойкій, убѣжденный и полезный.

Другой соратникъ Михайловскаго, уже по *Русскимъ Вѣдомостямъ*,—Ар. Введенскій началъ свою литературную дѣятельность тоже въ *Русской Правдѣ* и *Молвѣ*. Его постигла странная участь: началъ онъ очень талантливо, его обозрѣнія и характеристики были написаны живо и свѣжо и онъ сразу попалъ въ разрядъ «молодыхъ критиковъ, подающихъ большія надежды». Но прошло десять лѣтъ и подающій надежды критикъ не только не двинулся впередъ, но ушелъ назадъ и за послѣднее время не далъ ни одной выдающейся работы. Всѣ его послѣднія писанія до крайности безцѣльны и носятъ на себѣ отпечатокъ какой то преждевременной—старческой дряблости.

Подобной же безцѣлностью и дряблостью отличается вся дѣятельность г. Чуйко. Въ русской критикѣ, гдѣ всегда горѣла и кипѣла борьба принциповъ и направленій, гдѣ громадное значеніе всегда придавалось общественнымъ симпатіямъ и антипатіямъ авторовъ, гдѣ опе-

рировали обыкновенно застрѣльщики и даже вожди литературныхъ партій, вдругъ выступаетъ умѣренная и аккуратная фигура г. Чуйко. Это—какой то прохожій въ литературѣ, правда прохожій приличный и начитанный, но все же чужой намъ, съ которымъ мы не имѣемъ ничего общаго. Что онъ—русской литературѣ и что она—ему, мы право не знаемъ.

Совсѣмъ другого сорта дѣятелемъ является г. Скабичевскій. Когда бывшіе дѣятели современника, а теперь уже литературные покойники, М. Антоновичъ и Ю. Жуковский, при созданіи новыхъ *Отес. Записокъ* переругались съ Некрасовымъ и Елисѣевымъ, то они въ знакъ своего презрѣнія назвали прочихъ мелкихъ сотрудниковъ *Отес. Записокъ* «шутерой и шелухой». Въ числѣ этой «шутерой и шелухи» вѣстѣсь Щедринъ, Тененскій и Михайловскій былъ и А. М. Скабичевскій. Быть 16 л. постояннымъ сотрудникомъ лучшаго русскаго журнала, ходить въ битвы рядомъ съ лучшими и честнѣйшими дѣятелями русской литературы—что нибудь да значить, и, дѣйствительно, хотя талантъ Скабичевскаго не первостепенный, но во всякомъ случаѣ дѣятельность его была чрезвычайно

полезна и плодотворна и у него есть весьма цѣнная работа. За послѣдніе годы, работая отдѣльно отъ стараго товарищескаго кружка, онъ уклонился нѣсколько съ прежняго пути и заслужилъ справедливые упреки. Какъ литературный обозрѣватель Скабичевскій педантиченъ и скученъ, ему не хватаетъ ни вкуса, ни остроумія. Ежедневнымъ газетнымъ обозрѣвателемъ я вообще удивляюсь; истинное несчастье такъ работать, и исполнѣ естественно, что они скучны и вѣчно пережевываютъ старое. Несомнѣнно, что тутъ главную роль играетъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ.

О Буренинѣ мнѣ придется еще говорить дальше. Несомнѣнно, что онъ остроуменъ имѣетъ вкусъ и обладаетъ своеобразнымъ талантомъ, но значеніе его, какъ критика, совершенно ничтожное. Его всѣ читаютъ и всѣ ругаютъ, мнѣнія его всѣмъ известны, но каждый какъ будто совсѣмъ не хочетъ съ нимъ согласнаго. Въ чемъ причина такого отношенія? Мнѣ кажется, въ его полной безпринципности и пристрастномъ отношеніи къ нѣкоторымъ литературнымъ партіямъ и дѣятелямъ.

Самые молодые изъ нашихъ критиковъ Волинскій и Ивановъ. Волинскій явился

въ литературу съ большими претензіями: захотѣлъ указать новые пути и сказать новое слово. Какъ я слѣдовало ожидать, синица моря не захлѣла и провалялась со своими претензіями; впрочемъ, бѣды отъ этого большій нѣтъ, такъ какъ прежде, чѣмъ выдумывать новыя слова, намъ не мѣшаетъ повторять старыя, а то мы и ихъ стали забывать. Гораздо бы лучше было, если бы и Волинскій свой голось присоединилъ къ хору тѣхъ рѣдкихъ уже стариковъ, которые смѣло и честно несли до послѣдняго времени знамя свѣта и правды, а предъ которыми ему слѣдовало бы «шапку долой».

Что касается Ив. Иванова, то это,—несомнѣнно, псевдонимъ того гоголевскаго учителя, который изъ-за Александра Македонскаго стулѣя ломалъ. Экспансивенъ онъ до безконечности, но самой горячностью своей и какой то свойственной чистотой онъ особенно и симпатиченъ. Это—молодой человѣкъ стараго типа. Онъ представляется мнѣ высокимъ, сухимъ и длинноволосымъ эстетикомъ, не говорящимъ, а вызывающимъ, скорѣе не критикомъ, а пророкомъ.

А. Прорубовъ.